

Известно, что поэтами рождаются, стать таковым – необходимо быть «поэтом в душе». Но это ещё не даёт ему основания отрицать «искусность» в поэзии, мастерство. Научить писать стихи нельзя, но можно выяснить и рассказать, как пишут стихи. Совершенным стихом представляется одно из знаменитых стихотворений Александра Сергеевича Пушкина «Я вас любил: любовь еще, быть может...». При анализе приходится обращаться ко многим категориям поэтики, учения о литературной форме: метр, размер, цезура, параллелизм, рифма, пиррихий, симметрия и к другим.

Происхождение названия стопы различное: Ямб, сын нимфы Эхо и бога Пана; имя царской служанки Ямби, которая пела богине Деметре энергичные песни; возможно, от музыкального инструмента. Размером ямба сочинялись в Древней Греции песни сатирические (ругательные), поэзия делилась на героическую и ямбическую. Излюбленный размер в России – ямб четырёхстопный, популярен вообще традиционно, начиная с Ломоносова, и более всего разработан в поэтике теоретиками стиха. Шестистопный ямб широко известен своим плавным торжественным ритмом.

А стихотворение «**Я вас любил: любовь еще, быть может...**» Пушкиным написано одним из сложнейших размеров – пятистопным ямбом, который меньше применялся в стихах, и больше известен в драматической речи (например, «Борис Годунов») и среди твёрдых форм стиха. Ямб – один из основных метров в силлаботонике, где чередуются слабые и сильные места, соответственно, безударные и ударные. В зависимости от количества стоп в строке ямб имеет несколько размеров (2-стопный, 3, 4, 5, 6-стопный). Они различаются на слух: «Играй, Адель, / Не знай печали...» – 2-стопный ямб, «Подруга думы праздной...» – 3-ст. ямб, «Мой дядя самых честных правил...» – 4-ст. ямб, «В одном из городов Италии счастливой...» – 6 ст. ямб.

В нашем случае размер пятистопный. В частности, так отличаются одни стихи от других. Иногда думают, что такое чередование (на 2 слога, 4 и т. д.) обязательно и правильно. Но ударение на всех слогах в строчках при ямбе – исключение, это стремление к идеальному, «полноударному» ямбу, только как один из вариантов из многих размеров, тем более, он необязательный. И не к этому стремятся пишущие стихи. Характерным он был в XVIII веке.

У строки с 5-стопным ямбом имеется 10 или 11 слогов. Ударения могут быть разные: 2, 8,10; или 4,8,10; 2,6,10 и т. п. Обычно в этом размере порядок меняется, возникают разные возможности стиха. У Пушкина он точен, за исключением двух случаев (2,6,10), вместе тем он естественен, не специально, не нарочно длится в стихотворной речи. Многие короткие слова лишены ударения в строке, сливаются незаметно для слуха фонетически в единое целое с другими словами: «я вас», «любовь еще», «быть может». Происходит нечто чудесное, когда слова плавно, естественно, независимо от структуры, льются стройными и гармоничными рядами. «... я думал стихами...», – как-то говорил в письмах поэт.

В этом стихотворении чередование ударения в основном чёткое: 2, 4, 6 и 10, и эта упорядоченность усиливается ритмом стиха. Он становится стройным и мелодичным ещё в силу того, что после четвёртого слога отчётливо делается пауза, называемая **цезурой**. Этот разрез облегчает восприятие ритма ямба. Стало быть, всё произведение своеобразно делится на две симметричные части.

Левая представлена семью полустроками, состоящими из трёх словесных знаков (кроме шестой – «То робостью», в ней два знака), троекратным повтором «Я вас любил». Слова в этом повторении (это единоначатие, **анафора** как стилистический приём в начале строки) с очевидностью одни и те же, но мелодия движения души удивительно разная и внутренне неповторимая. Левая часть сосредоточивает личностное существование «Я», элегическое переходит в повелительное напряжение лирического, в констатацию судьбоносности переживаемого чувства. Обращают на себя внимание первые четыре слога до цезуры в первом полустроке. Поэтическая искусность Пушкина создаёт во втором полустроке удивительную стройность стиха, одинаковую ритмическую линию четырёхсложных слов (*то ревностью, так искренно, любимой быть*), что могло возникнуть только целеустремлённо, в силу внутреннего ощущения гармонии звуков, фонетической музыкальной переклички. Это настоящее мастерство поэта.

После двух строк далее идёт **противопоставление** «Но пусть она», где «пусть» – слово-приказ своего рода, где мнимое прекрасное прошлое («любил»), ещё не угасшее, ещё тлеющее, как угли, в душе, отбрасывается во времени, и выходит настоящее – после плавного течения стоп – в явный перебой ритма. «Я» здесь более напряжённое, чем в начале первой строки, именно содержание становится на первый план, ударение меняется в связи с тем, что поднимается новое

волнение о «вас», которое нашло себя среди двух значимых для героя слов: «печалить» и «ничем». Появления «Я» знаменательно ещё тем, что поворот к себе глубоко содержателен малозаметной слабой цезурой перед «не». Контраст содержания выделяется не только цезурой, но местоименными формами: отход от первого лица к третьему (любовь – она). Это создаётся иногда **инверсией** («в душе моей»): душа на первом месте, то, что моя, – стушёвывается.

И трёхкратное повторение (**афористический параллелизм**) «Я вас любил», особенно во второй половине, завораживает своей признательностью, внутренним ощущением непреходящего сладостного чувства. В этой половине чувствуешь насыщенность мягкими звуками, сонорными. Резкий звук «ч», повторенный трижды в одной строке, наделяет содержание яркостью эмоций. Пушкин ведёт, казалось бы, обычную речь, она легка и проста, и вместе с этим она слагается гармонией и стройностью стиха, удивительной красотой. В ней нет усложнённых синтаксических форм, вынуть что-то из стихов невозможно без разрушения всего. Стихи, изложенные «правильной» прозой, отдельными логическими высказываниями, теряют главное – поэзию, живое единство формы и содержания, исчезает гармония пятистопного ямба. Но у Пушкина этого нет, и в этом его гениальность, его искусство слова.

В **правой** после цезуры части – больше наплыва чувств, борьбы прошлого, настоящего и будущего, ощущение малой надежды и боязни потревожить остывшую не полностью любовь. Здесь скрывается тонкая искусность техники стиха: **симметрия** внутренних («То робостью, то ревностью томим») и внешних (мужских и женских) рифм, все **чётные** музыкально созвучны на «м», **нечётные** на «ж». Их переключка не связана с умышленным звукоподражанием, как

чаще всего полагают, они взаимно связываются музыкой стиха, ходом великолепного ямба. **Внутренние рифмы** осознаны, кстати, только в XX веке. После цезуры происходит усиление ударения не только инверсией, но и **пиррихиями**, пропуском ударения, слова растягиваются («безнадёжно»), ритмические ударения ямба сдвигаются во второй строфе. Внутренние рифмы и пиррихии органически взаимосвязаны и соответствуют друг другу.

Поэтому возникает ощущение зеркальности одной и другой половины. Этому способствует движение интонации, разделение строк, синтаксические параллелизмы, анафоры («я»), **метафоры** («любовь угасла»), **олицетворения** («робостью томим»), **аллитерация** звуков («л» в первой части, «р» – во второй).

Во всём стихотворении чувствуется необычайное качание **интонации**, её воздействие на внутреннюю гармонию и борьбу чувств. Ей произвольно придано величайшее значение в структуре стиха. Как бы то ни было, но центром становится третья строка, в ней происходит перенос внимания на предупредительную осторожность, на изменяющийся духовный мир. Стихотворение пронизано удивительной человеческой просветлённостью. Это связано и с личностями, их сложными отношениями. Два предложения стихотворной формы поведали нам о самоотверженности и благородстве чувств, сомнениях и тревоге, робкой надежде и благословлении будущему. В нём рисуется силуэт мелькающей любви, незримый облик возлюбленной, небожительницы, далёкой от власти простых смертных.

В целом стихотворение синтаксически состоит из двух больших бессоюзных предложений. Два **катрена** своеобразны по форме и содержанию. Первый катрен – сложное предложение, состоящее из трёх: первого, разбитого двоеточием,

цезурами и точкой с запятой, и двух простых. Но отдельно каждое из них несёт своё содержание. В первом – признание прошлого чувства, трогательное ощущение, что «любовь» ещё не прошла. Двоеточие указывает на то, что чувство может вернуться, оно не ушло полностью.

Во втором предложении связь не прервана, возникает новый смысл – резкое «но», предупреждает, что нынешнее состояние – окончательно, а в третьем – воля «Я». Все три предложения близки по смыслу, но у каждого есть определённый предмет обращения: 1 – признание прошлого – огонь ещё не исчез, 2 – убеждение, что не будет возврата, 3 – намерение не «печалить... ничем».

Во втором катрене идёт возвращение к «Я вас любил» и разъяснение этого выражения, качание особенностей его. И в последнем сложноподчинённом предложении ощущается медленное снижение эмоции в повторе, в передаче желанного будущего для любимой. Два сложных катрена с перекрёстной рифмой (1 – 3, 2 – 4) образуют одну строфу, гениальную по простоте формы и наполненную глубоким человеческим смыслом.

«У Пушкина не чувствуешь стиха...», – отмечал Л. Н. Толстой.

Таким образом, стихотворение состоит из лирического повествования (7 строк) и лирического пожелания (8-я строка). Последняя строка наиболее эмоциональна, порывиста, в ней чувствуешь резкий переход. «Постепенное выговаривание чувства» (Н. Коржавин) ведёт к окончательной фразе. Но она опровергает всё выше выраженное, любовь не кончилась...

Основная тема стихотворения – описание любви, которой не суждено развиваться. Поэт передаёт состояние безнадежно влюблённого мужчины, который мучается то от ревности, то от робости. Ему не дано прикоснуться к своему идеалу,

но в его любящем сердце нет места и обиде. Он настолько привязан к женщине, что желает ей счастья даже без него. Хотя автор и говорит, что любовь «в душе моей угасла не совсем», но этими строками он подтверждает своё бессилие перед роком, судьбой. Настроение обречённости и не уходящей никуда печали прослеживается в каждой строке, но присутствует ещё и нечто светлое, высокое. Оно навсегда остаётся в душе читающего.

Главная идея – демонстрация истинной любви, которая никогда не переходит в злость и желание обладания. У Пушкина старательно вырисовывается идеал жертвенной христианской любви, смысл которой сводится к тому, что надо больше отдавать, чем получать от возлюбленной. Он отдал женщине своё сердце, но не просил от неё того же. Ради её покоя он готов пожертвовать своим счастьем. Это и есть основная мысль стихотворения.

Литературоведы называют эту поэзию лирической миниатюрой. И объём произведения тоже является средством выражения авторской идеи. Можно увидеть, что поэт заменил традиционные, привычные, эпитеты наречиями. Он интуитивно применяет такой приём, чтобы сделать своё творение выразительнее. Главная мысль, идея произведения передаётся также с помощью периодического повтора анафоры.

Пушкинский шедевр отличается простотой речи, мягким, тёплым характером, живостью и искренностью. Автор приближает свою речь к разговорной. Этому служат не только инверсии, простота слов, предложений, но и фразеологические обороты. В данном случае речь идёт о фразе «Как дай вам Бог...». Некоторые критики нашли в последней строке нарушение фигуры речи (**анаколуф**), но это не умаляет великодушные пожелания, раскрывает чистую душу героя, показывает его способность быть по-настоящему сердечным.

Пушкин постоянно делает акцент на местоимении «я». Это оправдано в лирике поэта, оно не навязчиво, напротив, придаёт произведению интимность, камерность. Автор не боится обнажить свою душу перед публикой, перед человечеством.

У поэта есть небольшое стихотворение «Всё кончено: меж нами связи нет». Оно написано в 1823-ем году и не было опубликовано при жизни Пушкина, его нашли в бумагах после смерти Александра Сергеевича. Предполагают, что стихи связаны с Амалией Ризнич, которую поэт искренне любил. Сравнивая два стихотворения, писатель И. Я. Бражнин в своей книге о Пушкине «Ликующая муза» говорит о разной степени интимности отношений их лирических героев. Здесь обращение – «ты», иная лексика, жёсткая интонация в мотиве, резкое окончание связей, наставление, отказ преследовать свою избранницу... Прошло шесть лет, и мы видим новое ощущение в таком же мотиве-любви: «я» и «вы», тон сердечный, задушевный, в «Я вас любил» осталось только «быть может». В послании-элегии Пушкин – более зрелый, возвышенный и простой, щедрый и мудрый. Удивительная доброта, разговор не личный, а для всех – лёгкий, изящный, трогаящий душу любого своей открытостью и благородством. В этом убеждаешься, когда читаешь заключительные строки, ещё холодные, в одном – «Всё кончено...»:

*Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.*

и душевные, светлые в другом – «Я вас любил...»:

*Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Обычные слова – но бездна поэзии, в них тайна жизни человека! Напутствие по-доброму, желание передать на будущее искренность и нежность своей любви. Слова – это

«путь переживания» (Б. Шкловский), по нему следует идти не только читателю, но и исследователю поэзии гения.

Соразмерность и сообразность частей в стихотворении «Я вас любил» (требование Пушкина – к себе и к другим) учит художников слова, чему главному посвящать своё творчество, как строить его душой и разумом. Это навечно подарено поэтом словесному искусству.

Есть своеобразное понимание строк Александра Сергеевича Пушкина у поэтов другого времени: И. Бродского, Дм. Пригова, В. Сосноры.

В этом смысле очень интересны «20 сонетов к Марии Стюарт» Бродского, особенно его шестой сонет, который прямо перекликается со стихотворением Пушкина «Я вас любил». Произведение Бродского является заимствованной вариацией пушкинского стихотворения, неким подражанием великому поэту, но выраженным в хулиганской форме, не лишённой яркой экспрессионной эмоциональности и глубоких чувственных откровений. Применяя художественный приём гиперболизации, автор передаёт собственные ощущения посредством упоминания физиологических элементов («бюст», «виски», «пломбы»), через которые, с его точки зрения, познаются любовные страдания. Кроме того, возрастание поэтической страсти достигается путём введения в повествовательный текст инфинитивных конструкций и деепричастных оборотов, модальных слов и многочисленных оговорок и переносов (**анжамбеманов**).

Сразу же бросается в глаза намеренное «приземление» языка. Поэт использует грубые, близкие к нецензурным, выражения: «разлетелось к черту», «вдарить», «пломбы в пасти». Рядом с ними находятся и торжественные «высокие» фразы: «дай Вам Бог», «жар в груди». Возникшая «мешанина» слов производит эмоциональное впечатление. Создаётся

чувство, что Бродский просто пародирует и издевается над пушкинскими строками. Но это не совсем так.

«Я вас любил...» – знаменитое, ставшее классическим, признание в любви к женщине. Бродский использует его в качестве образца. Но, принадлежа к совершенно другой эпохе, поэт понимает, что такое признание выглядит неуместным. Поэтому он пропускает его через себя и изменяет в соответствии с требованиями времени.

Иосиф Бродский иронизирует над самим собой и над своей бездушной эпохой. У Пушкина любовь трогательна и возвышенна. Влюблённый покорно принимает утрату, он стремится избавить любимую от беспокойства и желает ей найти своё настоящее счастье. Любовь же в сонете Бродского становится физическим плотским чувством. На смену покорности приходят мысли о самоубийстве, но и они заканчиваются насмешкой автора. Героя останавливают размышления над выбором виска для рокового выстрела. Его любовь эгоистична. И сам автор весьма эгоцентричен. Он считает, что Бог не способен создать такое же чувство в другом мужчине. Крайним выражением низменности современной любви являются последние строки. Автор намеренно оговаривается. Романтический поэт мечтал коснуться «уст» возлюбленной, но мечтой героя остался – «бюст». Используя бессмертные строки, Бродский показывает, насколько изменился мир. Подражать Пушкину просто бесполезно, так как культурный уровень человечества значительно понизился.

Поэт-концептуалист Дмитрий Александрович Пригов неравнодушен к Пушкину. Хотя имел Пушкинскую премию, но разрабатывал под себя пушкинскую тему. Многие критики отмечают, что Пригову интересен не Пушкин – автор стихов, драм, статей, а Пушкин мифологический, поп-герой сначала советской, а теперь и российской литературы.

Работая с классическими кумирами (Пушкин, Лермонтов), Пригов шлифует свою роль метахудожника, «открывает» свой взгляд на творчество гения русской поэзии: «бюсты везде бы поставил» Пушкину, но стихи классика уничтожил бы, так как «облик они принижают его». Ни меньше, ни больше. Прослеживается чёткая позиция Пригова: явная ревность, ненавистное отношение к превосходству, желание унижить великого поэта, вывернуться из себя так, чтобы другие обратили на него внимание – оригинального, непохожего конструктора «нового» взгляда в советском и русском искусстве.

По-своему талантливо использует в своём творчестве Виктор Соснора текст знаменитого стихотворения Пушкина.

Я вас любил. Любовь еще – быть может.

Но ей не быть.

Лишь конский топ на эхо нас помножит

да волчья сыть.

В послании, как и во многих других сочинениях Пушкина, можно отыскать немало реминисценций, то есть переключек с другими произведениями, как чужими, так и собственными. Замечено, что стихотворение великого поэта имеет некоторое сходство со стихами французского поэта XVI века Клемана Маро, творчество которого Пушкин хорошо знал:

Поскольку Вы жестоки так со мной,

Я удалюсь отшельником в пустыню.

Дай Бог, чтобы в служеньи Вам отныне,

Подобно мне, усерден был другой.

Прощай, любовь! Прощай, прелестна грудь!

И свежестъ щёк, прощай, и взор лукавых глаз.

Не благосклонны Вы ко мне, и в этом суть.

Быть может, повезёт тому, кто меньше любит Вас.

Несмотря на смысловую перекличку между 3–4-м стихами произведения Маро и 7–8-м стихами пушкинской элегии «Я вас любил...», последняя по силе психологического воздействия, искренности чувств, поэтичности несравненно превосходит салонные стихи Маро: у него не верится ни в глубину переживаний, ни в серьёзность намерений персонажа.

Простота, изящность, душевность бессмертного стихотворения покоряли современников гения-творца – поэтов, писателей, музыкантов. Текст Пушкина вошёл в искусство композиторов, перекладывался на музыку Ф. Толстым, Шереметьевым, Алябьевым, Даргомыжским, Варламовым, Метнером. Произведение очень любил Гоголь. Композиторы акцентировали внимание на отдельных словах в романсах: А. Алябьев (1834) на «**вас**», А. Даргомыжский (1832) на «**я**», Б. Шереметьев (1859) на «**любил**». Первый романс Феофила Толстого появился в 1829 году ещё до появления стихов в альманахе «Северные цветы».

В. Г. Белинский ценил «трогающую душу изысканность» и «артистическую прелесть» в этом шедевре лирики, отмечал связь его со стихотворением «Нет, я не должен, не могу...», которое посвящено юной Н. Л. Соллогуб. Аполлон Григорьев высказывал сходное мнение: «Последний стих не сравним ни с чем, он – высокочеловечный».

Послание «Я вас любил...» написано в 1829 году, посвящено, казалось бы, Каролине Собаньской, с которой поэт впервые встретился в 1821 году. Она была старше его на шесть лет. Жизнь её была яркой и долгой (1795–1885 гг., 89 лет), она оставила в душе многих неизгладимый след. И в творческой судьбе Пушкина, не только в этом гениальном стихотворении, но и в другом – «Что в имени тебе моем?». Есть мнения, что послание посвящено Анне Алексеевне Олениной (1808 – 1888 гг.), Анне Петровне Керн (1800 – 1879 гг.),

но это только предположения учёных-пушкинистов. То, что неизвестен конкретный адресат данного произведения, лучше для пушкинолюбов, так как даёт возможность открывать красоту созданного, не заземляя каждое слово, строку или строфу. Меньше, простите, домыслов.

Исследование, анализ стихов Пушкина – это соприкосновение с великим искусством, некоторое соучастие в творческом процессе, где совершенны правила, познаётся тайна создания шедевра для будущих творцов. Знания необходимы для того, кто любит поэзию, и критика способствует приближению к прекрасному, открытию тех или иных сторон образца. Многие посчитано у Пушкина в этой элегии: сколько всего слов, глаголов, наречий и т.п. (например, Р. Якобсон в своём структурном анализе), но не это главное в критике. В заметке «В зрелой словесности приходит время...» великий поэт говорит: «У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый, язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем». Поэтому только любовь к художнику ведёт нас к вдумчивому пониманию слова, к умению его использовать для высших целей.

Знаменитое стихотворение возникло не из ничего, оно создано определённым временем встреч ярких людей, вспыхнувшим и сохранённым на века чувством. Повторить его невозможно, как нельзя создать снова это чудо словесного искусства. Для этого нужны новые времена, новые поэты.